

К. В. Синкевич
аспирант кафедры гражданского права
юридического факультета
Белорусского государственного университета

**РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПА АВТОНОМИИ ВОЛИ
В КОЛЛИЗИОННОМ РЕГУЛИРОВАНИИ
ТРАНСГРАНИЧНОЙ ЦЕССИИ:
ПЕРСПЕКТИВЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ
БЕЛОРУССКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА**

Аннотация. Ведется речь о подходах к коллизионному регулированию трансграничной цессии. Делается акцент, что основным принципом коллизионного регулирования правоотношений между цедентом и цессионарием является автономия воли. Данный подход представляется автору обоснованным, так как учитывает, что договор уступки является самостоятельной гражданско-правовой конструкцией, что предопределяет право сторон такого договора на выбор применимого права. В свою очередь, нормообразующим фактором, порождающим необходимость ограничения автономии воли сторон, является защита интересов должника.

Автором подвергнут критическому анализу подход, отраженный в белорусском законодательстве, исключающий возможность определения на основании принципа автономии воли компетентного правопорядка применительно к договору уступки, осложненному иностранным элементом. Делается вывод, что данный подход не соответствует современному мировому опыту коллизионного регулирования трансграничной цессии, и формулируются конкретные предложения по совершенствованию национального законодательства.

Ключевые слова: коллизионное регулирование трансграничной цессии, принцип автономии воли, ограничения автономии воли, содержание договорного статута, коллизионно-правовая защита должника.

Введение. В условиях рыночной экономики возможность перемены лиц в обязательстве способствует эффективности коммерческой деятельности, оперативному получению платежей по договорам, а также надлежащему исполнению обязательств [1, с. 133].

В связи с чем сделки по перемене лиц в обязательстве (и в частности, уступка права требования) широко распространены в деловом сообществе [2].

Вместе с тем присутствие в отношениях цессии иностранного элемента вызывает дополнительные трудности в их правовой регламентации.

Следует подчеркнуть, что в различных национальных правовых системах весьма разнятся подходы к решению вопроса о правовой природе уступки требования, форме цессии, ее допустимости, приоритете цессионариев и т. д. [3, с. 142–156].

Как известно, преодолеть различия в правовом регулировании национальных правовых систем возможно с помощью унификации, которая является одним из способов сближения законодательства различных государств. Унификация материально-правового регулирования уступки права требования осуществляется как международно-правовым методом посредством разработки и принятия международных договоров (например, Конвенции ООН об уступке дебиторской задолженности в международной торговле 2001 г. [4]), так и посредством разработки актов рекомендательного характера (например, материально-правовой регламентации трансграничных отношений цессии посвящена гл. 9 Принципов международных коммерческих договоров УНИДРУА 2016 [5], гл. 11 Принципов европейского договорного права [6], гл. 5 Книги III Принципов, определений и модельных правил европейского частного права: Проект общей справочной схемы (Draft Common Frame of Reference, DCFR) [7]).

Вместе с тем унифицированные нормы охватывают далеко не все аспекты правовой регламентации трансграничной цессии. Кроме того, международные договоры, содержащие материально-правовое регулирование цессии, осложненной иностранным элементом, действуют в незначительном круге государств или не вступили в силу ввиду ратификации недостаточным количеством участников.

Отличительной особенностью рекомендательных актов является отсутствие механизма международного договора и, следовательно, международно-правового обязательства государств обеспечить их реализацию [8, с. 18–22].

В силу изложенного большое значение имеет коллизионно-правовой метод регулирования трансграничных отношений цессии.

Основная часть. Специальное коллизионное регулирование трансграничной уступки требования в законодательстве Республики Беларусь отсутствует. Согласно ст. 1127 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) [9] уступка требования включена в сферу действия договорного статута.

Разработчики ГК основывались на положениях Модельного гражданского кодекса для государств – участников СНГ от 17 февраля 1996 г. [10], в котором отсутствует специальное коллизионное регулирование трансграничной цессии. Согласно п. 7 ст. 1227 указанного акта уступка требования включена в сферу действия договорного статута. Данный подход был воспринят рядом иных государств – участников СНГ. В частности, включение вопросов уступки требования в договорный статут предусмотрено ст. 1287 Гражданского кодекса Республики Армения от 17 июня 1998 г. [11], ст. 1201 Гражданского кодекса Кыргызской Республики от 5 января 1998 г. [12], ст. 1192 Гражданского кодекса Республики Узбекистан от 29 августа 1996 г. [13], ст. 47 Закона Украины от 23 июня 2005 г. № 2709-IV «О международном частном праве» [14].

Характеризуя систему коллизионного регулирования договорных обязательств, осложненных иностранным элементом, следует отметить, что при определении применимого права главенствующая роль отводится принципу автономии воли (*lex voluntatis*). В белорусском законодательстве данный принцип основывается на ст. 1124 ГК.

Субсидиарные правила определения компетентного правопорядка действуют в случаях, когда стороны договора не избрали применимое право или когда возможность осуществить такой выбор отсутствовала в силу законодательных ограничений.

Буквальное толкование норм белорусского законодательства позволяет сделать вывод, что выбор сторонами трансграничного договора применимого права распространяет избранный правопорядок и на регулирование договора уступки требования. При таком подходе цедент и цессионарий фактически лишены возможности определить право, подлежащее применению к заключенному между ними договору уступки. При этом следует учитывать, что цессионарий не принимал участия в выборе компетентного правопорядка по первоначальному договору, права по которому уступаются.

Вместе с тем возможность выбрать применимое право к договору уступки предусмотрена в национальном законодательстве ряда государств (например, в ст. 145 Федерального закона Швейцарии о международном частном праве от 18 декабря 1987 г. [15], ст. 1216 Гражданского кодекса

Российской Федерации от 26 ноября 2001 г. № 146-ФЗ (далее – ГК РФ) [16]), в международных договорах (ст. 28 Конвенции ООН об уступке дебиторской задолженности в международной торговле 2001 г.), а также в наднациональных актах (ст. 14 Регламента (ЕС) № 593/2008 Европейского Парламента и Совета от 17 июня 2008 г. о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам (далее – Регламент Рим I [17])).

При ответе на вопрос о целесообразности предоставления сторонам договора уступки возможности избрать применимое право прежде всего нужно сосредоточиться на определении центра притяжения соответствующего отношения. При этом особое внимание необходимо уделить рассмотрению правовой природы договора уступки, так как признание самостоятельного характера такого договора предопределяет право сторон на автономию воли при выборе применимого к их отношениям права. Одновременно следует определиться с тем, существуют ли нормообразующие факторы, порождающие необходимость ограничения автономии воли.

Настоящее исследование проводилось на основании сравнительно-правового анализа положений ст. 14 Регламента Рим I и ст. 1216 ГК РФ, в которых нашло отражение специальное коллизионное регулирование трансграничной цессии. Кроме того, внимание уделяется анализу ст. 10 Принципов выбора права в международных коммерческих контрактах, утвержденных 19 марта 2015 г. (далее – Гаагские принципы) [18], содержащей правила определения границ применения избранного в силу принципа автономии воли правопорядка в контексте трехсторонних отношений по уступке права требования.

Выбор указанных источников коллизионного регулирования обусловлен следующими причинами.

В Европейском союзе унифицированные подходы к коллизионному регулированию договорных обязательств, осложненных иностранным элементом, первоначально нашли отражение в Конвенции о праве, применимом к договорным обязательствам (Рим, 19 июня 1980 г.) (далее – Римская конвенция 1980 г.) [19], а затем в Регламенте Рим I. В юридической литературе подчеркивается, что «значение Регламента Рим I в коллизионном регулировании договорных обязательств трудно переоценить». На примере Регламента Рим I можно наглядно проследить эволюцию коллизионного

регулирования договорных отношений с иностранным элементом [20, с. 181].

Римская конвенция 1980 г. и Регламент Рим I оказали влияние на правотворчество в странах, не являющихся членами Европейского союза. Так, европейский опыт был учтен российским законодателем в разделе VI ГК РФ «Международное частное право» при разработке специального коллизионного регулирования трансграничной цессии.

Отметим, что Республика Беларусь и Российская Федерация являются участниками Евразийского экономического союза, на уровне целеполагания которого гармонизации права отводится существенная роль, однако на сегодняшний день значимые достижения в сфере сближения коллизионного регулирования договорных обязательств отсутствуют [21].

Гаагские принципы разработаны авторитетной международной организацией – Гаагской конференцией по международному частному праву – и во многих своих положениях отражают подходы, которые уже нашли отражение в деятельности международных коммерческих арбитражей [22, с. 309]. Кроме того, Гаагские принципы официально одобрены Комиссией ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) на 48 сессии (29 июня – 16 июля 2015 г.) и рекомендованы для использования в качестве типового образца для национальных, региональных или международных документов, а также для толкования, дополнения и разработки норм международного частного права (далее – МЧП) [23, с. 55].

В русскоязычной научной литературе проблематике коллизионного регулирования трансграничной уступки требования уделялось внимание в работах А. С. Прокофьев [24], Т. П. Лазаревой [25], И. М. Кутузова [26], В. А. Канашевского [27] и др. Среди белорусских исследователей следует назвать Н. Ю. Газдюк [28].

В доктрине гражданского права под уступкой права требования (цессией) понимается соглашение между кредитором по обязательству (цедентом) и новым лицом (цессионарием) о передаче права требования к должнику. В литературе высказываются различные точки зрения относительно правовой природы цессии. Согласно классической трактовке договор уступки рассматривается как самостоятельная договорная конструкция, тесно связанная с договорами о передаче имущества в собственность. Отмечается, что цессия является двусторонней сделкой (договором), поэтому, для

того чтобы она состоялась, одностороннего волеизъявления кредитора недостаточно [29, с. 39].

Таким образом, для совершения цессии необходимо выражение согласованной воли двух сторон: воли cedentia об отказе от требования в пользу цессионария и воли последнего о принятии этого требования. Такое соглашение об уступке требования представляет собой двустороннюю сделку, то есть договор [30, с. 7].

Cедент и цессионарий являются сторонами договора уступки, которым определяются их взаимные права и обязанности, а также последствия уступки в отношениях между ними [31, с. 186].

Следует также отметить существование и иной позиции, согласно которой отрицается самостоятельный характер договора уступки. Например, М. И. Брагинский и В. В. Витрянский полагают, что передача прав при цессии происходит на основании договора, «но этим договором является не цессия, как нередко полагают, а та сделка, на которую опирается переход, составляющий сущность цессии» [32].

Вместе с тем квалификация уступки требования в качестве договора, выступающего основанием перехода права требования кредитора к другому лицу, является доминирующей, в том числе и в зарубежной цивилистике [30, с. 7–8].

В постановлении Президиума Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь от 21 апреля 2001 г. № 7 «Об обзоре судебной практики рассмотрения споров, возникающих в связи с уступкой требования (цессией) и переводом долга» [33] отмечается: «...Одним из оснований уступки права требования является договор между первоначальным и новым кредитором, в котором стороны определяют объем передаваемого права, а также порядок его перехода».

В современных научных исследованиях в сфере МЧП высказано мнение о необходимости учета различных принципов и факторов, влияющих на формирование содержания коллизионных норм, а следовательно, и на решение коллизионной проблемы [34, с. 10–11].

Применительно к коллизионному регулированию договорных обязательств А. В. Асосков предлагает именовать такие факторы нормообразующими, под которыми ученый понимает явления, подлежащие учету законодателем при определении наиболее эффективного решения коллизи-

онной проблемы [35, с. 20]. В докторской диссертации «Нормообразующие факторы, влияющие на содержание коллизионного регулирования договорных обязательств» (2012) А. В. Асосков выделяет следующие три группы нормообразующих факторов: коллизионные, публично-правовые и материальные.

Представляется, что наибольшее значение для решения коллизионной проблемы применительно к трансграничным отношениям цессии имеют материальные факторы.

Под материальными факторами А. В. Асосков понимает факторы, которые основаны на изучении материально-правовых интересов отдельных субъектов, проявляющихся в области частноправового регулирования. Отмечается, что «использование факторов этой группы в рамках МЧП в значительной степени облегчено за счет того, что выявление, анализ и оценка материально-правовых интересов различных категорий субъектов уже проведены цивилистической наукой и нашли отражение на уровне материально-правового регулирования» [35, с. 32].

В современной зарубежной доктрине активно обсуждается вопрос о существенном влиянии, которое материальное право оказывает на логику коллизионного регулирования [36, с. 473]. В литературе отмечается, что успешный учет материальных факторов в коллизионном праве возможен при наличии следующих условий: во-первых, необходимо, чтобы в соответствующей области материального права в качестве доминирующего был признан один интерес или несколько интересов, указывающих в одном направлении, а, во-вторых, признание соответствующего интереса в материальном праве должно быть характерным для большого числа государств [36, с. 481–482].

Следует отметить, что защита прав должника является основной проблемой цессионного права [31, с. 239].

Так, Комиссией ООН по праву международной торговли (ЮНСИТРАЛ) на 27 сессии (31 мая – 17 июня 1994 г.) отмечено, что основной целью любых правовых норм, регулирующих условия уступки, должно являться установление равновесия между необходимостью предоставить сторонам возможность мобилизовать дебиторскую задолженность и необходимостью обеспечить, чтобы на правовом положении должника, который не является стороной в сделках уступки, не отразилось изменение статуса кредитора [37].

Принцип защиты должника является одним из основополагающих принципов Конвенции ООН об уступке дебиторской задолженности 2001 г., в преамбуле которой закреплено, что договаривающиеся государства стремятся «обеспечить надлежащую защиту интересов должника в случае уступки дебиторской задолженности» (абз. 4).

Обратим внимание, что указанный международный договор является примером смешанной унификации, так как его содержание составляют как материально-правовые, так и коллизионные нормы. Сказанное, в свою очередь, означает, что принцип защиты должника в равной мере воздействует как на сферу материального, так и на сферу коллизионного регулирования трансграничных отношений цессии.

Римская конвенция 1980 г. так же, как и Регламент Рим I (который практически полностью заменил Римскую конвенцию 1980 г.), преследует цель предоставления коллизионно-правовой защиты должнику.

Пункт 1 ст. 14 Регламента Рим I при определении права, подлежащего применению к договорным отношениям цедента и цессионария, отсылает к общим правилам Регламента Рим I, посвященным определению права, применимого к договору. Статья 3 Регламента Рим I определяет принцип автономии воли в качестве основополагающего начала определения применимого права, а также устанавливает правила его реализации. Предоставляя возможность в п. 1 ст. 14 Регламента Рим I выбрать применимое право и одновременно преследуя цель предоставления коллизионно-правовой защиты должнику, европейский законодатель вводит ограничения автономии воли, связанные с содержанием договорного статута.

Следует обратить внимание, что объем коллизионной нормы п. 1 ст. 14 Регламента Рим I содержит формулировку «отношения между цедентом и цессионарием при уступке требования к другому лицу („должнику“)». В п. 38 Преамбулы Регламента Рим I разъясняется, что термин «отношения» не должен пониматься как затрагивающий любое отношение, которое может существовать между цедентом и цессионарием. Данный термин должен быть строго ограничен теми аспектами, которые непосредственно затрагивают соответствующую уступку требования.

Из сферы действия права, применимого к договору уступки, европейский законодатель исключил следующие

вопросы: возможность уступки требования, отношения между цессионарием и должником, условия юридической действительности уступки для должника и возможность утраты требованием силы в результате исполнения обязательства должником. Указанные вопросы, согласно п. 2 ст. 14 Регламента Рим I, входят в сферу действия права, которое регулирует уступаемое требование. Таким образом, как отмечает А. И. Белоглазев, «речь идет о единственном праве, на основе которого можно соответствующим образом предположить, что должник знает его, либо режим этого права касательно уступки требования (возможность уступки) является для него предсказуемым» [38, с. 371].

Подчеркнем, что перемена лиц в обязательстве ведет к изменению только субъектного состава правоотношения, тогда как его содержание остается неизменным. Применительно к коллизионному регулированию указанное означает, что цессионарий, вступая в отношения с должником, попадает в сферу действия права, применимого к договору, требования по которому уступаются [39, с. 329].

При ином подходе правовые нормы правопорядка, избранного компетентным к договору уступки, могли бы оказать влияние на положение должника, например, при правовой оценке вопроса о надлежащем исполнении обязательства должником перед кредитором.

В случае отсутствия выбора применимого права сторонами (цедентом и цессионарием) применимое право определяется на основании ст. 4 Регламента Рим I. Пункт 1 ст. 4 Регламента Рим I прямо не называет право, применимое к договору уступки, следовательно, руководствуясь п. 2 ст. 4 Регламента Рим I, можно прийти к выводу, что к договору уступки подлежит применению право страны, где находится обычное место жительства стороны, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора.

При этом необходимо учитывать, что цессия признается двусторонней сделкой (договором). Из официального доклада к Римской конвенции 1980 г. (п. 3 комментария к ст. 4) следует, что если двусторонний договор предусматривает взаимное исполнение, то «характерным» является исполнение той стороны, которая предоставляет услугу или товар в обмен на платеж. Сторона, осуществляющая платеж, как правило, не создает за счет своего исполнения специфику того или иного

обязательства [40]. В соответствии с указанным подходом в доктрине МЧП поддерживается позиция, согласно которой решающую роль в исполнении договора уступки играет цедент, то есть лицо, передающее право требования новому кредитору [27, с. 129; 41; 42, р. 150].

Однако данное утверждение небесспорно. Например, в решении Civ. Bruxelles (В) от 17 марта 2000 г. отмечено, что к договору об уступке требования подлежит применению право наиболее тесной связи, поскольку в отношении данного договора «очень трудно, иногда невозможно определить характерное исполнение» [38, с. 371].

В этой связи следует согласиться с М. В. Мещановой, что концепция характерного исполнения не может быть безусловной панацеей в деле определения обязательственного статуса. Кроме того, подчеркивает автор, частноправовые договорные отношения отличаются большой вариативностью, что, в свою очередь, может привести к необходимости гибкого подхода и использования принципа наиболее тесной связи [20, с. 178].

В юридической литературе отмечается, что сложность применения данного коллизионного правила в отношении договора уступки заключается также в том, что в зависимости от содержащихся в нем условий договор уступки может иметь разную правовую природу, в которой «существенное» исполнение производится разными сторонами. Так, в случае заключения договора факторинга существо данного договора составляет исполнение, произведенное фактором (цессионарием). Таким образом, вопрос о применимом к договору уступки праве необходимо решать в каждом отдельном случае исходя из его условий [28].

Не преследуя цели определить место договора факторинга в системе гражданско-правовых обязательств, отметим, что признание договора факторинга видом цессии – это только одна из существующих позиций, причем не бесспорная.

В разъяснении Высшего Хозяйственного Суда Республики Беларусь «О заключении договора уступки требования» от 24 мая 2006 г. № 03-29/1023 акцентируется внимание на том, что факторинг не является классической уступкой требования. Так, отмечается, что уступка требования в первую очередь направлена на смену лиц в обязательстве, на замену кредитора, тогда как для факторинга смена лиц

в обязательстве является второстепенной, а его главная цель – получение финансирования [43].

В юридической литературе подчеркивается, что, несмотря на некоторые черты и сходство между договорами цессии и факторинга, данные договоры являются самостоятельными гражданско-правовыми конструкциями [44].

В этой связи определение применимого права к договору факторинга, в отсутствие соглашения сторон, осуществляется, как правило, на основании жесткой коллизионной привязки, основанной на доктрине характерного исполнения. И в силу того, что определяющим для договора факторинга являются отношения финансирования, стороной, осуществляющей исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора, признается фактор. Например, такой подход отражен в подп. 19 п. 1 ст. 44 Закона Украины от 23 июня 2005 г. № 2709-IV «О международном частном праве», подп. 9 п. 2 ст. 1211 ГК РФ.

Следует отметить, что во исполнение п. 11 Плана подготовки законопроектов на 2018 год, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 10 января 2018 г. № 9 [45], подготовлен проект Закона Республики Беларусь «О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь» [46]. Указанным проектом корректируется перечень сторон и, соответственно, договоров, для которых возможно сформулировать жесткие коллизионные привязки (п. 1 ст. 1125 ГК). В этот перечень дополнительно включается ряд договорных конструкций (в том числе договор факторинга), для которых целесообразно определять применимое право по месту жительства или основному месту деятельности одной из сторон. Согласно изменениям, предлагаемым проектом Закона Республики Беларусь «О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь», к договору факторинга, в отсутствие соглашения сторон о выборе компетентного правопорядка, применяется право страны фактора.

В случае, если применимое право не может быть определено на основании доктрины характерного исполнения, вспомогательным способом поиска компетентного право-порядка, согласно п. 4 ст. 4 Регламента Рим I, выступает принцип наиболее тесной связи (следует обратить внимание на то, что такое субсидиарное применение принципа наиболее тесной связи отсутствует в ГК РФ).

В п. 3 ст. 4 Регламента Рим I содержится корректирующая

оговорка, которая позволяет учесть ситуации, когда определение применимого права на основании изложенных выше правил приводит к выбору той правовой системы, которая не имеет с рассматриваемым отношением тесной связи.

Подход европейского законодателя к коллизионному регулированию трансграничной цессии нашел отражение в ст. 1216 ГК РФ. Анализ соответствующих норм позволяет констатировать, что по данному вопросу подходы, отраженные в ст. 14 Регламента Рим I и ст. 1216 ГК РФ, в целом совпадают. Следует отметить терминологические отличия в формулировках соответствующих норм, не меняющие при этом существа отраженных в них подходов.

В п. 43 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» подчеркивается, что коллизионное регулирование цессии (уступки требования) в ст. 1216 ГК РФ учитывает интересы должника, не участвовавшего в заключении договора, на основании которого производится уступка [47].

Из п. 1 ст. 1216 ГК РФ следует, что основным принципом коллизионного регулирования трансграничных отношений цессии является автономия воли.

В. А. Канашевский подчеркивает, что, «поскольку уступка права требования рассматривается как самостоятельное соглашение (ст. 382 ГК РФ), ничто не мешает сторонам такого соглашения подчинить его избранному ими применимому праву (п. 1 ст. 1210 ГК РФ)» [27, с. 129].

Следует отметить, что соглашение о применимом праве квалифицируется в качестве разновидности частноправовой сделки. Так, Д. П. Стригунова отмечает, что соглашение о выборе применимого права выражает вольно согласованную сторонами волю по выбору права, то есть выступает той объективной формой, в которой находит свое выражение коллизионный принцип автономии воли. Указанное соглашение, полагает Д. П. Стригунова, представляет собой особую частноправовую сделку, целью которой является своего рода «обслуживание» международного коммерческого договора [48].

По мнению А. Б. Покровской, соглашение о применимом праве представляет собой специальную частноправовую сделку, осложненную иностранным элементом [49, с. 7].

Согласно точке зрения Н. В. Тригубович, «автономия воли предполагает и „договорный“ элемент – это прежде всего соглашение о выборе права, договор с коллизионным содержанием» [50, с. 10].

Позиция доктрины была воспринята российским законодателем. Так, согласно п. 26 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 июля 2019 г. № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» соглашение о применимом праве квалифицируется в качестве разновидности гражданско-правовой сделки.

Полагаем, что подход российского законодателя в части коллизионного регулирования трансграничной цессии согласуется с квалификацией соглашения о выборе применимого права в качестве разновидности гражданско-правовой сделки. Соответственно, сторонами соглашения о применимом праве являются первоначальный кредитор и должник. Перемена лиц происходит не в соглашении о применимом праве, а в договоре, права по которому уступаются, следовательно, cedent и цессионарий имеют возможность заключить самостоятельное соглашение о выборе компетентного правопорядка.

В случае отсутствия выбора применимого права самими сторонами (cedentом и цессионарием) применимое право определяется на основании ст. 1211 ГК РФ. Согласно п. 1 ст. 1211 ГК РФ при отсутствии соглашения сторон о подлежащем применению праве к договору применяется право страны, где на момент заключения договора находится место жительства или основное место деятельности стороны, которая осуществляет исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора.

Из сферы действия права, применимого к договору уступки, российский законодатель, так же как и европейский, исключил ряд вопросов: допустимость уступки требования, отношения между новым кредитором и должником, условия, при которых это требование может быть предъявлено к должнику новым кредитором, вопрос о надлежащем исполнении обязательства должником. Указанные вопросы, согласно п. 2 ст. 1216 ГК РФ, подчиняются праву, «подлежащему применению к требованию, являющемуся предметом уступки» (праву, которое регулирует уступаемое требование по терминологии Регламента Рим I).

Предметом уступки являются права и обязанности по первоначальному договору, следовательно, чтобы определить

применимое право для регулирования отношений между должником и новым кредитором, следует в первую очередь установить, какому праву подчиняется первоначальный договор. Если стороны не выбрали применимое право, то оно подлежит определению в соответствии с правилами, изложенными в ст. 1211–1214 ГК РФ, в зависимости от того, о каком договоре идет речь. Данное право и будет регулировать отношения между должником и новым кредитором [51].

На практике возможны ситуации, когда иностранный элемент присутствует в договорном правоотношении между кредитором и должником, при этом договор уступки заключается между цедентом и цессионарием, которые являются субъектами одного государства.

Для иллюстрации рассмотрим Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 2 мая 2012 г. № ВАС-1569/12 [52].

Заявитель просил постановления судов апелляционной и кассационной инстанций [53] отменить, направить дело на новое рассмотрение, обосновывая это доводом о том, что согласно ст. 1186 и 1216 ГК РФ к отношениям по уступке прав требования в настоящем деле должно было применяться право Республики Корея, в то время как суды апелляционной и кассационной инстанций применили нормы российского права. При этом первоначальный договор (контракт на поставку оборудования), права по которому уступались, был заключен между российским юридическим лицом и южнокорейской компанией.

Правоприменительный орган пришел к выводу, что, так как сам договор цессии был заключен между российскими юридическими лицами на территории Российской Федерации и не осложнен иным иностранным элементом, это не дает оснований для применения коллизионных норм, содержащихся в разделе VI ГК РФ, в том числе и ст. 1186 ГК РФ, которая требует наличия связи спорного правоотношения с порядками разных стран.

Данная позиция представляется спорной. Поскольку, даже если отрицать осложненность частного правового отношения иностранным элементом по субъекту, следует учитывать, что уступаемое требование содержит иностранный элемент (наличие иностранного элемента по объекту – уступаемое требование содержит в себе иностранный элемент), что, в свою

очередь, является предпосылкой применения коллизионных норм главы 68 «Право, подлежащее применению к имущественным и личным неимущественным отношениям» раздела VI ГК РФ.

Анализ российской правоприменительной практики также позволяет сделать вывод о применении ст. 1216 ГК РФ в ситуациях, когда договор уступки осложнен иностранным элементом, при этом первоначальный договор, из которого уступаются требования, является внутренним. Так, в постановлении ФАС Московского округа от 3 июня 2011 г. № КГ-А40/2381-11 по делу № А4035715/10-141-305 правоприменительный орган на основании п. 1 ст. 1216 ГК РФ применил к договору цессии, заключенному между английской и российской организациями, английское право как избранное сторонами договора, а в качестве компетентного правопорядка, регулирующего отношения между цессионарием и должником, определил в соответствии с п. 2 ст. 1216 ГК РФ право Российской Федерации как применимое к уступленному требованию. При этом договор аренды, из которого возникло уступленное требование, не был осложнен иностранным элементом [54].

Данная позиция выглядит обоснованной, так как присутствие иностранного элемента в отношениях цессии (один из субъектов отношения является иностранным юридическим лицом) влечет необходимость определения компетентного правопорядка.

Принципу автономии воли посвящен рекомендательный акт Гаагской конференции по международному частному праву – Гаагские принципы. Согласно разъяснениям, содержащимся в п. 10.7 комментариев к указанному документу, ст. 10 основывается на двух принципах: 1) права и обязанности сторон, возникающие на основании заключенного между ними договора, должны регулироваться правом, применимым к этому договору; 2) в случаях, когда кредитор уступает свое право требования третьей стороне, уступленное обязательство по договору продолжает регулироваться правом, применимым к договору, на основании которого возникло данное обязательство [55].

Итак, согласно ст. 10 Гаагских принципов в случае договорной уступки прав кредитора в отношении должника, возникающих из договора между должником и кредитором, а) если стороны договора уступки выбирают право, регули-

рующее этот договор, то выбранное право регулирует взаимные права и обязательства кредитора и цессионария, возникающие из их договора; б) если стороны договора между должником и кредитором выбрали право, регулирующее этот договор, то выбранное право регулирует вопрос о том, можно ли сослаться на эту уступку в отношении должника, права цессионария в отношении должника и вопрос о том, были ли выполнены обязательства должника.

Применительно к анализу подхода белорусского законодателя Н. Ю. Газдюк полагает, что подп. 7 п. 1 ст. 1127 ГК необходимо толковать ограничительно и исходить из того, что в сферу договорного статута первоначального договора входят только вопросы, касающиеся отношений между цессионарием и должником. Коллизионное же регулирование отношений между цедентом и цессионарием должно осуществляться исходя из принципа автономии воли. В случае отсутствия соглашения цедента и цессионария о применимом праве к отношениям сторон следует применять коллизионную норму п. 4 ст. 1125 ГК [28].

Вместе с тем полагаем, что основания для подобного толкования отсутствуют. Как известно, коллизионная норма состоит из двух элементов: объема и привязки. Статья 1127 ГК определяет перечень вопросов, к которым применяются положения ст. 1124 и 1125 ГК, то есть объем «договор» включает в себя перечисленные в ст. 1127 ГК вопросы [56, с. 82–84]. Первичной квалификации подлежат юридические понятия, содержащиеся как в объеме коллизионной нормы, так и в привязке. Исходя из предписаний п. 1 ст. 1094 ГК, по общему правилу суд основывается на толковании соответствующих понятий в соответствии с правом страны суда (*lex fori*).

Согласно п. 1 ст. 353 ГК право (требование), принадлежащее кредитору на основании обязательства, может быть передано им другому лицу по сделке (уступка требования) или перейти к другому лицу на основании акта законодательства.

Таким образом, можно сделать вывод, что, включая в договорный статут «уступку требования в связи с договором», белорусский законодатель распространяет применимое право и на договор уступки между цедентом и цессионарием.

При этом, как справедливо отмечается в юридической литературе, при всем разнообразии вопросов, включенных

в сферу действия обязательственного статута, очевидно, что все они связаны с правами и обязанностями сторон договора. За основу определения границ сферы действия обязательственного статута может быть взят главный элемент договорного обязательства – содержание договора как правоотношения (права и обязанности сторон договора) [51]. С учетом сказанного подход белорусского законодателя может быть подвергнут обоснованной критике.

Отметим, что отсутствие специального коллизионного регулирования трансграничной цессии может порождать проблемы практического характера. Предположим ситуацию, когда договор, из которого уступается требование, не содержит иностранного элемента, однако в последующем кредитор уступает право требования иностранному субъекту. Присутствие в отношении иностранного элемента предопределяет возникновение коллизии и, соответственно, необходимость выбора применимого права.

Учитывая отсутствие в национальном законодательстве механизма, направленного на коллизионно-правовую защиту должника, целесообразным видится в такой ситуации применение гибкой коллизионной нормы п. 4 ст. 1125 ГК, согласно которой при невозможности определить исполнение, имеющее решающее значение для содержания договора, применяется право страны, с которой договор наиболее тесно связан. При таком подходе, полагаем, поиск наиболее заинтересованного правопорядка приведет к праву, применимому к первоначальному договору, права по которому уступаются, что позволит исключить возможность применения норм иностранного права, способных оказать влияние на правовое положение должника.

В условиях действующего коллизионного регулирования представляется необходимым также проанализировать вопрос о возможности расщепления договорного статута и подчинения уступки требования праву, отличному от того, которое регулирует первоначальный договор.

В белорусском законодательстве возможность подчинить договор регулирующему воздействию более чем одной правовой системы предусмотрена п. 4 ст. 1124 ГК, согласно которому «стороны договора могут избрать подлежащее применению право как для договора в целом, так и для отдельных его частей».

Следует обратить внимание, что, допуская расщепление договорного статута, белорусский законодатель вводит квалифицирующий признак – отдельные части договора. Таким образом, при анализе данной нормы неизбежно возникает вопрос о том, что понимается под отдельной частью договора, применительно к которой (или которым) национальный законодатель допускает раздробление правового регулирования.

Следует учитывать, что перечень вопросов, входящих в сферу действия статута договора (ст. 1127 ГК), является неисчерпывающим. Таким образом, перед правоприменительным органом стоит сложная задача определения в каждом конкретном случае, соответствует ли та или иная часть договора критерию делимости в целях обособления ее правового регулирования.

В Официальном отчете к Римской конвенции 1980 г. акцентировалось внимание на понятии «делимый» (*severable*) договор. В документе подчеркивалось, что расщепление договорного статута допустимо в тех случаях, когда договор хотя и является одним договором, но на самом деле состоит из нескольких договоров или частей, которые могут быть разделены и независимы друг от друга с юридической и экономической точек зрения.

Таким образом, часть договора, речь о которой идет в п. 4 ст. 1124 ГК, должна удовлетворять критерию делимости. Отдельная часть договора в целях расщепления договорного статута может представлять собой отдельные составляющие смешанного договора, сочетающего элементы различных договоров, индивидуальное правоотношение сторон в рамках одного договора [39 с. 311], подгруппу прав и обязанностей, которые могут быть автономно отделены от решения иных вопросов, входящих в статут договора [27, с. 111].

Учитывая, что договор уступки – это не отдельная часть договора, а самостоятельная договорная конструкция, представляется, что ответ на вопрос о возможности расщепления договорного статута и подчинения уступки требования праву, отличному от того, которое регулирует первоначальный договор, должен быть отрицательным.

Заключение. Подводя итог сравнительно-правовому исследованию коллизионного регулирования трансграничной цессии, необходимо отметить следующее.

Присутствие в отношениях цессии иностранного элемента вызывает дополнительные трудности в их правовой регламентации. Представляется, что договор цессии следует признавать осложненным иностранным элементом не только в ситуации, когда одна из сторон договора уступки является иностранным субъектом (наличие иностранного элемента по субъекту), но и в случае, когда уступаемое требование содержит в себе иностранный элемент (наличие иностранного элемента по объекту). Последнее возможно, когда иностранный элемент присутствует в договорном правоотношении между кредитором и должником, при этом договор уступки заключается между цедентом и цессионарием, которые являются субъектами одного государства.

Современные тенденции развития МЧП свидетельствуют, что основным принципом коллизионного регулирования правоотношений между цедентом и цессионарием (а именно их взаимных прав и обязанностей по отношению друг к другу) является автономия воли. Данный подход представляется обоснованным, так как учитывает, что договор уступки является самостоятельной гражданско-правовой конструкцией, что, в свою очередь, предопределяет право сторон такого договора на выбор применимого права. При этом с целью обеспечения коллизионно-правовой защиты должника в источниках коллизионного регулирования вводятся ограничения автономии воли, связанные с содержанием договорного статута.

На основании осмысления доктринальных подходов, источников коллизионного регулирования, представляется целесообразным рассмотреть вопрос об использовании принципа автономии воли в национальном законодательстве применительно к коллизионному регулированию трансграничных отношений цессии. Данный принцип является выражением воли сторон договорного правоотношения, которая играет определяющую роль в частном праве. В свою очередь, нормообразующим фактором, порождающим необходимость ограничения автономии воли сторон, является защита интересов должника.

Таким образом, полагаем: договоры уступки, осложненные иностранным элементом, подлежат специальному коллизионному регулированию, в связи с чем из п. 1 ст. 1127 ГК, определяющего сферу действия договорного статута, «уступка требований в связи с договором» подлежит исключению.

Система специального коллизионного регулирования трансграничной цессии должна включать: 1) использование принципа автономии воли с ограничением, обусловленным содержанием договорного статута; 2) закрепление субсидиарного правила, предполагающего использование жесткой коллизионной привязки, основанной на доктрине характерного исполнения.

Представляется, что коллизионное регулирование трансграничных отношений цессии, соответствующее современному мировому опыту коллизионного регулирования, создаст необходимые предпосылки для обращения за разрешением споров в национальные правоприменительные органы, а также обеспечит обоснованный выбор компетентного правопорядка к спорной ситуации.

Список использованных источников

1. Прокофьев, А. С. Правовое регулирование уступки требований в Англии и США / А. С. Прокофьев // Журн. зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2012. – № 3 (34). – С. 133–138.

2. Швед, Ю. Н. Перемена лиц в обязательстве [Электронный ресурс] / Ю. Н. Швед // Электронная библиотека БГУ. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/105098/1/26.pdf>. – Дата доступа: 20.05.2020.

3. Патрикеев, Е. А. Международно-правовое регулирование уступки права требования / Е. А. Патрикеев // Изв. вузов. Правоведение. – 2006. – № 2. – С. 142–156.

4. Конвенция Организации Объединенных Наций об уступке дебиторской задолженности в международной торговле [Электронный ресурс] : [принята Генер. Ассамблеей Орг. Объед. Наций 12.12.2001 г.] // Комиссия Организации Объединенных Наций по праву международной торговли. – Режим доступа: <http://www.uncitral.org/pdf/russian/texts/payments/receivables/ctc-assignment-convention-r.pdf>. – Дата доступа: 20.05.2020.

5. UNIDROIT principles of international commercial contracts, 2016 [Electronic resource] // UNIDROIT : Intern. Inst. for the Unification of Priv. Law. – Mode of access: <https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2016>. – Date of access: 20.05.2020.

6. The principles of European contract law 2002 (Parts I, II, III) [Electronic resource] // Trans Law. – Mode of access: <http://www>.

transnational.deusto.es/emttl/documentos/Principles%20of%20European%20Contract%20Law.pdf. – Date of access: 20.05.2020.

7. Principles, definitions and model rules of European private law: draft Common Frame of Reference (DCFR) : in 6 vol. / ed.: Ch. von Bar [et al.]. – Munich : Sellier, 2009. – 6 vol.

8. Дмитриева, Г. К. Унификация или гармонизация права: новые формы / Г. К. Дмитриева // Унификация международного частного права в современном мире : сб. ст. / Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве Рос. Федерации ; отв. ред. И. О. Хлестова. – М., 2013. – С. 14–25.

9. Гражданский кодекс Республики Беларусь [Электронный ресурс] : 7 дек. 1998 г. № 218-З : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 04.05.2019 г. // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

10. Гражданский кодекс. Модель. Рекомендательный законодательный акт для Содружества Независимых Государств. Часть третья [Электронный ресурс] : принят в г. Санкт-Петербурге 17 февр. 1996 г. на 7-м пленар. заседании Межпарламент. Ассамблеи государств – участников СНГ // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.

11. Гражданский кодекс Республики Армения [Электронный ресурс] : принят 5 мая 1998 г. : с изм. и доп. от 12.11.2012 г. // Нац. Собрание Респ. Армения. – Режим доступа: <http://www.parliament.am/legislation.php?sel=show&ID=1556&lang=rus>. – Дата доступа: 20.05.2020.

12. Гражданский кодекс Кыргызской Республики. Часть II [Электронный ресурс] : 5 янв. 1998 г. № 1 : в ред. Закона Кыргызской Респ. от 19.04.2019 г. // М-во юстиции Кыргызской Респ. – Режим доступа: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/5>. – Дата доступа: 20.05.2020.

13. Гражданский кодекс Республики Узбекистан. Часть вторая [Электронный ресурс] : 29 авг. 1996 г. // Lex.uz : нац. база данных законодательства Респ. Узбекистан. – Режим доступа: <https://lex.uz/docs/180550>. – Дата доступа: 20.05.2020.

14. О международном частном праве [Электронный ресурс] : Закон Украины от 23 июня 2005 г. № 2709-IV : действующий с изм. и доп. : проверено 08.07.2019 г. // Kodeksy.com.ua : ваш гид в законодательстве Украины. – Режим доступа: https://kodeksy.com.ua/ka/o_mezhdunarodnom_chastnom_prave.htm. – Дата доступа: 20.05.2020.

15. Bundesgesetz über das Internationale Privatrecht (IPRG) [Electronic resource] : vom 18. Dez. 1987 : stand am 1. Jan. 2019 // Der Bundersrat. – Mode of access: <https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/19870312/index.html>. – Date of access: 20.05.2020.

16. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) [Электронный ресурс] : 26 нояб. 2001 г., № 146-ФЗ : принят Гос. Думой 1 нояб. 2001 г. : одобр. Советом Федерации 14 нояб. 2001 г. : в ред. Федер. закона от 18.03.2019 г. // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.

17. Регламент (ЕС) № 593/2008 Европейского Парламента и Совета от 17 июня 2008 г. о праве, подлежащем применению к договорным обязательствам (Рим I) // ОJ. – L 177. – 04.07.2008. – P. 6–16.

18. Принципы, касающиеся выбора права в международных коммерческих контрактах [Электронный ресурс] : утв. 19 марта 2015 г. // Assets.hcch.net. – Режим доступа: <https://assets.hcch.net/docs/eb2202fd-47c9-4e73-ab0f-cbf2b4057d8f.pdf>. – Дата доступа: 20.05.2020.

19. 1980 Rome Convention on the law applicable to contractual obligations(consolidatedversion)[Electronicresource]:41998A0126(02)//Eur-Lex:accesstoEurop.Law.–Modeofaccess:<https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:41998A0126%2802%29:EN:HTML>. – Date of access: 20.05.2020.

20. Мещанова, М. В. Системность в международном частном праве / М. В. Мещанова. – Минск : Четыре четверти, 2017. – 242 с.

21. Царева, Л. В. О гармонизации коллизионного регулирования договорных отношений на региональном уровне [Электронный ресурс] / Л. В. Царева // Электронная библиотека БГУ. – Режим доступа: <http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/108206/1/%d0%a6%d0%b0%d1%80%d1%91%d0%b2%d0%b0%20%d0%9b.pdf>. – Дата доступа: 20.05.2020.

22. Мажорина, М. В. Международные контракты и их регуляторы : учебник / М. В. Мажорина, Я. О. Алимова. – М. : Норма : Инфра-М, 2019. – 448 с.

23. Доклад Комиссии Организации Объединенных Наций по праву Доклад Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли [Электронный ресурс] : 48-я сес., 26 июня – 16 июля 2015 г. // United Nations Conference on Trade and Development. – Режим доступа: https://unctad.org/meetings/en/SessionalDocuments/a70d17_ru.pdf. – Дата доступа: 20.05.2020.

24. Прокофьев, А. С. Уступка прав требования в международном частном праве : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. С. Прокофьев. – М., 2013. – 202 л.

25. Лазарева, Т. П. Правовое регулирование перехода прав кредитора в Гражданском кодексе Российской Федерации (коллизионные вопросы) / Т. П. Лазарева // Журн. рос. права. – 2015. – № 5. – С. 73–83.

26. Кутузов, И. М. Коллизионно-правовое регулирование трансграничной цессии [Электронный ресурс] / И. М. Кутузов // Вестн. ун-та им. О. Е. Кутафина. – 2015. – № 2. – Режим доступа:

<https://cyberleninka.ru/article/n/kollizionno-pravovoe-regulirovanie-transgranichnoy-tsessii/viewer>. – Дата доступа: 20.05.2020.

27. Канашевский, В. А. Международные сделки: правовое регулирование / В. А. Канашевский. – М. : Междунар. отношения, 2016. – 661 с.

28. Газдюк, Н. Ю. Уступка обязательственных прав как транснациональный квазиправовой институт [Электронный ресурс] / Н. Ю. Газдюк // Актуальные проблемы международного публично-го и международного частного права : сб. науч. тр. / Белорус. гос. ун-т. – Минск, 2012. – Вып. 4. – Режим доступа: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/31151/1/gazdyuk_2012_4_IL_issues_r.pdf. – Дата доступа: 20.05.2020.

29. Гражданское право : учебник : в 3 т. / под ред. В. Ф. Чигира. – Минск : Амалфея, 2008 – 2011. – Т. 2 / Т. В. Авдеева [и др.]. – 2010. – 960 с.

30. Вошатко, А. В. Договор уступки требования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. В. Вошатко ; Яросл. гос. ун-т. – СПб., 2009. – 24 с.

31. Новоселова, Л. А. Сделки уступки права (требования) в коммерческой практике. Факторинг / Л. А. Новоселова. – М. : Статут, 2003. – 492 с.

32. Брагинский, М. И. Договорное право [Электронный ресурс] : в 2 кн. / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. – 3-е изд., стер. – М. : Статут 2001. – Кн. 1: Общие положения // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.

33. Об обзоре судебной практики рассмотрения споров, возникающих в связи с уступкой требования (цессией) и переводом долга [Электронный ресурс] : постановление Президиума Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь, 21 апр. 2001 г., № 7 // ЭТАЛОН. Законодательство Республики Беларусь / Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

34. Ходыкин, Р. М. Принципы и факторы формирования содержания коллизионных норм в международном частном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Р. М. Ходыкин ; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) М-ва иностр. дел России. – М., 2005. – 37 с.

35. Асосков, А. В. Нормообразующие факторы, влияющие на содержание коллизионного регулирования договорных обязательств : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03 / А. В. Асосков ; Моск. гос. ун-т. – М., 2012. – 53 с.

36. Асосков, А. В. Влияние материального права на коллизионное регулирование частноправовых отношений с иностранным элементом / А. В. Асосков // Основные проблемы частного права : сб. ст. к юбилею д-ра юрид. наук, проф. А. Л. Маковского / отв. ред.: В. В. Витрянский, Е. А. Суханов. – М., 2010. – С. 472–510.

37. Доклад Комиссии Организации Объединенных Наций по праву международной торговли [Электронный ресурс] : 27-я сес., 31 мая – 17 июня 1994 г. // United Nations Conference on Trade and Development. — Режим доступа: <https://undocs.org/pdf?symbol=ru/A/CN.9/397>. — Дата доступа: 20.05.2020.

38. Белоглазев, А. И. Европейское международное частное право – договорные связи и обязательства : в 2 т. / А. И. Белоглазев. – Киев : Таксон, 2010. – Т. 1. – CLXXVIII, 1395 с.

39. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья (постатейный) / Е. Н. Абрамова [и др.] ; под ред. А. П. Сергеева. – М. : Проспект, 2016. – 384 с.

40. Report on the Convention on the law applicable to contractual obligations by Mario Giuliano, Professor, University of Milan, and Paul Lagarde, Professor, University of Paris I [Electronic resource] : 31980Y1031(01) // Eur-Lex : access to Europ. Law. – Mode of access: [https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31980Y1031\(01\):EN:HTML](https://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:31980Y1031(01):EN:HTML). — Date of access: 20.05.2020.

41. Асосков, А. В. Коллизионное регулирование договорных обязательств [Электронный ресурс] / А. В. Асосков. – М. : Инфотропик Медиа, 2012 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.

42. International contracts: aspects of jurisdiction, arbitration and private international law / ed.: M. Koppenol-Laforce [et al.]. – London : Sweet & Maxwell, 1996. – XXXII, 257 p.

43. О заключении договора уступки требования [Электронный ресурс] : разъяснение Высш. Хоз. Суда Респ. Беларусь, 24 мая 2006 г., № 03-29/1023 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

44. Бондаренко, Н. Л. Место договора факторинга в законодательстве стран СНГ и Балтии [Электронный ресурс] / Н. Л. Бондаренко, О. Шкут // Актуальные проблемы гражданского права : сб. науч. тр. / Междунар. ун-т «МИТСО», Центр частноправовых исслед. – Минск, 2015. –63250/1/19.pdf. — Дата доступа: 20.05.2020.45. Об утверждении плана подготовки законопроектов на 2018 год [Электронный ресурс] : Указ Президента Респ. Беларусь, 10 янв. 2018 г., № 9 // КонсультантПлюс. Беларусь / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2020.

46. О внесении изменений в некоторые кодексы Республики Беларусь [Электронный ресурс] : проект Закона Респ. Беларусь // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. — Режим доступа: forumpravo.by/files/nczpi_zakon_proekt_izmenenija_v_kodeksi.pdf. — Дата доступа: 20.05.2020.

47. О применении норм международного частного права судами Российской Федерации [Электронный ресурс] : постановление Пле-

нума Верхов. Суда Рос. Федерации, 9 июля 2019 г., № 24 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.

48. ССтригунова, Д. П. Основные проблемы соглашения о выборе права, примененного к международному коммерческому договору [Электронный ресурс] / Д. П. Стригунова // Отрасли права. Аналитический портал. – Режим доступа: <http://отрасли-права.рф/article/19896>. – Дата доступа: 20.05.2020.

49. Покровская, А. Б. Соглашение о праве, примененном к частноправовым отношениям, осложненным иностранным элементом : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / А. Б. Покровская ; Ин-т законодательства и сравн. правоведения при Правительстве Рос. Федерации. – М., 2006. – 29 с.

50. Тригубович, Н. В. Автономия воли в международном частном праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Н. В. Тригубович ; Сарат. гос. акад. права. – Саратов, 1999. – 25 с.

51. Виноградова, Р. И. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части третьей (постатейный) / Р. И. Виноградова, Г. К. Дмитриева, В. С. Репин ; под общ. ред. В. П. Мозолина. – М. : Норма : Инфра-М, 2002 // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.

52. Определение Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации об отказе в передаче дела в Президиум Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации [Электронный ресурс] : 2 мая 2012 г., № ВАС-1569/12 // Кодекс и законы : правовая навигац. система. – Режим доступа: <https://www.zakonrf.info/suddoc/294f55cb0e26e1303732098abe1ddb5/>. – Дата доступа: 20.05.2020.

53. Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 05.10.2011 по делу № А19-5770/10 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. Россия / ЗАО «Консультант Плюс». – М., 2020.

54. Постановление ФАС Московского округа от 03.06.2011 № КГ-А40/2381-11 по делу № А4035715/10-141-305 [Электронный ресурс] // КонсультантПлюс. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=AMS&n=143617#0753712458415782>. – Дата доступа: 20.05.2020.

55. The draft Hague principles on choice of law in international commercial contracts [Electronic resource] : prelim. doc. № 6 – rev. of July 2014 for the attention of the Council on Gen. Affairs a. Policy of the Conf. // НССН. – Mode of access: https://assets.hcch.net/upload/wop/gap2014pd06rev_en.pdf. – Date of access: 20.05.2020.

56. Бабкина, Е. В. Понятие и структура коллизионной нормы / Е. В. Бабкина // Право в современном белорусском обществе : сб. науч. тр. – Минск, 2011. – Вып. 6 / Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь, Ин-т правовых исслед. – С. 81–86.

01.06.2020

K. V. Sinkevich
PhD candidate, Civil Law Department,
Faculty of Law Belarus State University

**IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF
AUTONOMY OF WILL IN THE COLLISIONAL
REGULATION OF A TRANSBOUNDARY CESSION:
PROSPECTS FOR IMPROVEMENT OF BELARUSIAN
LEGISLATION**

Abstract. The article speaks about the approaches to collision arbitration of transfrontier cession. The focus is given to the autonomy of the will as the main principle in collision arbitration of legal relationship between an assignor and an assignee. The author believes it reasonable, as the approach considers an assignment agreement as an independent civil law phenomenon. Therefore, the parties of such agreement may choose the governing law. Debtor advocacy, in its turn, is a law-creating factor that urges to limit the autonomy of the will of the parties.

The author critically analyses the approach reflected by the Belarusian law which precludes the possibility of determining a competent legal order applicable to an assignment agreement complicated by a foreign element on the basis of the «autonomy of the will» principle. The article concludes that the above approach is not consistent with the current international experience of collision administration of transfrontier cession and contains practical proposals on improvement of the national law.

Keywords: collision arbitration of transfrontier cession, «autonomy of the will» principle, limitations of the autonomy of the will, contractual governing law, debtor advocacy through collision.